

Сценарии Горького

Советский и зарубежный читатель хорошо знает Горького—прозаика, драматурга, публициста, критика и историка литературы, немного знает даже Горького—поэта. Но Горького на экране почти нет. «Мать», «Детство», «В людях», «Мои университеты», еще одно-два произведения перерабатывались для кино.

Была такая полоса в истории нашей литературы (это было в самом начале 900-х годов), когда романы Горького инсценировались. В частности инсценировок «Фомы Гордеева» было огромное количество. Горького осаждали письмами с бесконечными просьбами разрешить переделать прозаическое произведение в пьесу.

Алексей Максимович не любил этого, будучи твердо убежден в том, что механический перевод произведения из одного жанра в другой безусловно вредит произведению. Но инсценировки все-таки делались и делаются до последнего времени. Горького, который сам бы писал сценарии, мы до сих пор почти не знали. Между тем мысль о кино, самом массовом виде искусства, занимала Алексея Максимовича в течение многих лет.

В архиве А. М. Горького сохранились надписи-реципики действующих лиц для немого кино. Алексей Максимович задумал сам переделать пьесу «На дне» в сценарий. К сожалению, работа не была доведена до конца, мысль о фильме не реализовалась. Но история сценария интересна еще и тем, что у него оказалась новая часть, которой не было в пьесе.

Споры критики, развернувшиеся вокруг персонажей пьесы «На дне» с первого появления ее на сцене Московского Художественного театра в 1903 г. и не окончившиеся еще в наши дни, вероятно, способствовали возникновению мысли о расширении времени действия. Один из немногих незаконченных сценариев А. М. Горького называется «По пути на дно»; он состоит из нескольких сцен, в которых показана жизнь некоторых персонажей (Луки, Барона, Сатина) до того, как они попали в костылевский подвал. В этих сценах—объяснение причин, приводящих их на «дно».

Оказалось, что телеграфист Сатин во имя гуманистических побуждений совершил преступление, покатылся по наклонной

плоскости и в результате очутился в ночлежке Костылева. Идея образа Сатина—«Все в человеке, все для человека»—определилась в жизни его задолго до того, как он попал на «дно».

Но безусловно наибольший интерес представляет в этом сценарии история жизни Луки. Богатый деревенский староста, грабятый крестьянин, не стесняющийся никакими средствами, чтобы приумножить свое хозяйство, он жесток и никем не любим. Лука открыто сожительствует с женой бедного крестьянина—вечного своего должника. Не выдержав, наконец, нравственной пытки, обманутый муж решил отомстить Луке так, как отомстил «холоп примерный, Яков верный», герой поэмы Некрасова, своему барину. Крестьянин в знак мести повесился на воротах дома Луки. Страшная смерть человека ошеломила Луку. Он бросил свое хозяйство, землю, дом и пошел странствовать по земле, пошел искать покой. Ложь, придуманная для облегчения тяжелой жизни людей и, прежде всего, для успокоения собственной совести, пришла к Луке. Ее проповедуя, пошел он странником по земле, никого не успокаивая, никому не помогая, не облегчая жизнь. Лживый, лукавый, он теперь еще понятнее читателю.

Сценарий не был дописан Алексеем Максимовичем. «По пути на дно» и «На дне» не соединились.

Но в неопубликованном литературном наследстве Алексея Максимовича сохранились вполне законченные сценарии (их несколько), свидетельствующие об упорном стремлении писателя создать произведения для кино. Интересен по теме, замыслу и образной системе сценарий «Пропагандист», условно названный так редакцией подготовленного к печати Институтом мировой литературы II тома «Архива А. М. Горького».

В эпистолярной и других документах нет указаний о времени написания, о замысле этого сценария. В распоряжении редакторов была только рукопись—автограф сценария. Второстепенные признаки (бумага, чернила, почерк и т. п.) дают основание датировать сценарий 1925—26 гг. (годы жизни Алексея Максимовича в Сорренто). По материалу, теме сценарий близок роману «Мать».

Очень характерно для Горького, что он не роман переделывает в сценарий, а пишет самостоятельное произведение на близкую тему. Время действия, повидимому,—конец 90-х или самое начало 900-х годов. Рабочий Морозов, пропагандист Лукин, мать Морозова—Анфиса, несколько рабочих, интеллигенты, лавочник Бармин с дочерью— вот некоторые из действующих лиц сценария. Стачка рабочих, предательство, рост классовой солидарности— вот тема сценария.

Трагический конец сценария—избиение, даже убийство нескольких рабочих, арест всего стачечного комитета—напоминает ситуации романа «Мать». И как в «Матери»—печальная концовка не создает впечатления разгрома, поражения революции. Вот даже дочь лавочника Бармина через свою любовь к Морозову дошла до понимания идей освободительной борьбы. «До свиданья, милые»—слова, которыми молоденькая девушка Соня провожает арестованных, вместе с грустью, которая звучит в них, исполнены надежды, и даже печальная Анфиса, отстраняющая ласку, сочувствие одного из рабочих, знает, что сын ее сам выбрал эту трудную дорогу, и если не он, то товарищи его пройдут по ней до конца и добьются счастья. Печаль кажется временной, проходящей, а революция непобедимой.

В архиве А. М. Горького есть рукописи двух сценариев, написанных им в конце 1920—начале 1921 г. для Франции. Сохранилось письмо Алексея Максимовича к представителю кинофирмы С. Горовец, в котором А. М. пишет об одном из этих сценариев—«Степан Разин»—после внесения некоторых исправлений. Одинаковые внешние признаки и план сценария позволяют думать, что в это же время по этому же заказу был написан и сценарий «Жизнь одного еврея».

Сценарий о Разине Алексей Максимович назвал «Народный бунт в Московском государстве 1666—1668 годов». Героический образ Степана Разина волновал А. М. Горького очень давно. Еще в «Коновалове» (1896 г.) Горький нарисовал замечательную сцену чтивки книги Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Влюбленный в Разина Коновалов часто просил Алексея Максимовича перечитывать ему историю жизни человека, к которому тяготело сердце пекаря.

Значительно позднее, когда А. Чапыгин опубликовал свой роман, Горький, обрадованный тем, что Чапыгину вполне удалось

создать героический образ Разина, писал о том, что у нас создан подлинно советский исторический роман, и наряду с «Петром I» А. Толстого ставил «шелками вытканый» роман Чапыгина.

Таким «шелками вытканым» произведением явился и сценарий Горького, в котором перед читателем встает мятежная эпоха из жизни России, встают картины борьбы за вольный Дон, борьбы против насилия, угнетения. Подлинно русский национальный герой, которому, однако, не чужды увлечения, безрассудные поступки, который иногда безмерно жесток, но все-таки обаятелен, образ этого человека нарисован близким и понятным современному читателю, несмотря на его историческую отдаленность. Смелый и мужественный, не знающий удержки своим желаниям, Разин остается таким и в сознании читателя. А рядом с ним—поводырь слепых Борис, которого отбили люди Разина у воеводы, намеревавшегося превратить Бориса в своего холопа. Борис—это совесть Разина, «страж добрых чувств», как называет его сам Горький.

Во втором сценарии, написанном в эту же пору—«Жизнь одного еврея», вопрос о Человеке тоже ставится во главу угла. Еврей Абрам, активный участник первой русской революции,—герой сценария. Это идейный борец за дело революции, передовой, сознательный человек. Проблема интернационального единства в революции— вот что прежде всего является здесь темой Горького. Сценарий кончается погромом, организованным «черной сотней». Абрама бросают в костер. Образ революционера-еврея исполнен задушевной теплоты и мягкости. Это человек сильных чувств, великой веры в правоту дела, которому отдает свою жизнь; это человек, забывший радости собственной жизни для общего дела.

Горький показывает героя в различных ситуациях, с различных сторон, проследившая его жизнь на основных поворотах. Из еврейского мальчика, над которым смеются, которого дразнят, он вырастает в профессионального революционера. Его детская дружба с русской девочкой Лизой превращается в любовь взрослого человека, которая в мечтах идет рядом с борьбой. Но личное счастье в реальности проходит стороной. Нравственную силу, высокий духовный облик революционера рисует Горький на протяжении всего сценария, придавая ему особый колорит, индивидуальную окраску национальной принадлежности.

Картины суровой борьбы и суровой жизни встают из сценария «Жизнь одного еврея», картины революции 1905 года, показавшей великую силу пробужденных к сознательной жизни народов тогдашней царской России. Тема Человека, активного борца за переустройство жизни на земле, и здесь показана во всей широте.

Несколько позднее, примерно в 1926—1927 гг. Горький написал еще один сценарий—«Ход коня». Для кого он предназначался, что послужило толчком к его написанию,—установить пока не удалось.

В «Ходе коня» раскрыта несколько авантюрная тема. Персонажи сценария—квалифицированные воры, совершающие солидные кражи. Формирование преступника и гибель человеческой личности показаны на фоне хитроумных краж, убийств и других преступлений. Попав в этот страшный мир, человек неизбежно гибнет. Такковы Кротов, Усатов и другие. В них давно умерло все человеческое. Но иная участь предназначена тем, кто в этот преступный мир попал случайно.

В сценарии показан Яков Сорокин, который полюбил девушку, обокраденную им. Трагическая история его любви заключается в том, что Яков, проследив, что отец ее принес домой крупный картонный выигрыш, выкрал его. Отца арестовали, так как часть этих денег была казенная, брата позднее убили в драке. Подозреваемая отцом в краже его денег, Елена в отчаянии идет по улице и встречает Якова, который говорит ей о своей любви. Елена становится его женой, не подозревая, что он вор. А когда ей стало известно все, в том числе и то, что отца оборовал Яков, она долго не может поверить, а, поверив, не может уйти от Якова, потому что уже любит его. Сраженный Яков, мозг которого давно уже перенапряжен, сходит с ума, воображая себя шахматным конем. Так физически гибнет человек в страшном мире, наполненном преступлениями.

Таковы темы некоторых неопубликованных сценариев, значительно расширяющие наше представление о творчестве Горького, расширяющие галерею бессмертных образов, созданных великим художником революции.

Надо полагать, что в ближайшие же годы они найдут свое место на советском экране, ибо темы этих сценариев, их идеи и образы—живые, нужные, полезные великому делу социализма.

Н. БЕЛКИНА